

Верно, ад опустел: здесь все его демоны.*

Уильям Шекспир, «Буря»

* Цит. в пер. М. А. Гамазова (1812–1893).

Пролог

Кингфишер

Волк — существо изворотливое.
Умеет приспосабливаться.

В стае волк — часть чего-то большего, чем он сам. У него своя роль и место в общем порядке вещей. В стае легко обрести безопасность.

Но волк умеет выживать и в одиночку.

Глухой полночью в лесу среди хищников он может тенью скользить между деревьями. Может скрываться во мраке, выслеживая добычу.

Может подкарауливать врагов и атаковать в ответ, едва они нападут...

Особенно если у него в руках бог мечей.

Я был готов, когда явился вампир. Он призраком следовал за мной по гулким коридорам Аммонтрайета, с тех пор как я покинул покои Сейрис. Я чувствовал, что он там — томится на медленном огне. Выжидает.

Чтобы читать живых, особых навыков не нужно. Некоторые веками оттачивают способность владеть собой. Это делается для того, чтобы не выдать ни чувства, ни мысли, если ты часть другой стаи — фейри. Но каких бы высот ты ни достиг в сокрытии эмоций, тело в конечном итоге тебя подведет. Неизбежно.

Эмоции просачиваются в кровь.

Счастье.

Злость.

Печаль.

Вожделение.

Каждая из них несет свою энергию. Обладает особой вибрацией, если хотите. В одной и той же вене у всякой эмоции

будет свой запах. Любого фейри выдадут мельчайшие индикаторы настроения, независимо от того, насколько хорошо он умеет скрывать свои чувства.

А уж запахи, исходящие от людей, порой сбивают с ног. Люди вообще не способны держать себя в узде. Они чувствуют неистово и напоказ, не заботясь о том, как сильно их реакции могут задеть кого-нибудь с более острым восприятием.

С мертвыми дело обстоит иначе. Сердце у них не бьется, и кровь застаивается в венах бесполезной черной жижей. Члены саназротского двора источают какой-либо запах лишь после того, как насытились, пока искра жизни, еще не угасшая в крови жертвы, пульсирует отголосками эмоций, которые та испытывала, умирая. Так слабый запах чужих духов не сразу рассеивается после объятий.

Час назад я упивался ароматом земли после дождя, сидя рядом с моей истинной любовью, и наслаждался музыкой ее голоса, когда она донимала Тала расспросами о Кровавом дворе. С тех пор как очнулась, она неугомонна — старается побольше узнать, понять, подготовиться к грядущим событиям. В основных чертах наш план уже сложился, Сейрис уяснила себе роль, которую ей предстоит сыграть в его осуществлении... но она нервничает. Учитывая, что всего несколько дней назад она еще была человеком, ей неплохо удастся справляться с эмоциями — куда лучше, чем раньше, — но у меня обоняние острее, чем у большинства. Я уловил ее неуверенность. Это было похоже на запах горячего камня под дождем.

Я дышал ею, впитывал ее и вдруг различил *иной* запах.

Должно быть, вампир вдоволь напился крови, перед тем как устроил засаду, затаившись во мраке у покоев Сейрис.

Я извинился, вышел в коридор и отправился искать тухлятину.

Двумя ярусами ниже, на пути в недра Черного дворца, ее нашло острие моего клинка.

Вампир был прекрасен. При жизни его лицо, возможно, казалось заурядным, а кожа со временем стала бы тусклой и дряблой. Но смерть сохранила его облик и довела до совершенства. Высокие скулы. Благородный орлиный нос. Глаза, наверное, раньше были голубыми, теперь же они мерцали призрачными опалами. Рот приоткрылся, обнажив клыки — порочные и белые, как кости. Губы сложились в удивленное «О», но он не успел издать ни звука. Опустил взгляд и оше-

ломленно обнаружил, что у него из груди торчит Нимерель, вошедшая* по рукоять.

— Ты... испортил бархат, — прохрипел вампир.

Что правда, то правда: клинок бога мечей проделал трехдюймовую дыру в черном бархате его камзола. Я виновато пожал плечами и вздохнул:

— Побочный эффект убийства. Но ведь и у твоих жертв одежда в процессе приходит в негодность. Ты же и сам это знаешь, верно?

Цветок смерти распустился на его рубашке, чернильно-черный цветок. Ублюдку хватило смелости взглянуть на меня с вызовом.

— Я в курсе... этой проблемы, да, — выдавил он.

— Ну, больше тебе не придется из-за нее переживать.

Еще до того, как вампир выметнулся из теней, я знал, что он не ищет битвы. Остальные обитатели Черного дворца спасли, и он тоже не должен был бодрствовать. Этот вампир, разодетый, как на парад, и с желудком, раздутым от крови невинных, явился сюда за тем, чего он не заслуживал. За тем, что мог ему дать только я.

Он пошатнулся, попытался ухватиться за меня, чтобы сохранить равновесие, но его руки уже обращались в прах. Когда он снова заговорил, голос зашелестел пустынным ветром:

— Прости. Я бы не смог... вытерпеть...

Солнце?

Огонь?

Огонь в этом месте найти трудно. Случайно на него наткнувшись, любой вампир вспыхнул бы, как вязанка сухого хвороста. В очагах Аммонтрайета горит «вечерний свет». И в факелах на стенах — тоже. Вероятно, этот жалкий ублюдок не отыскал бы тут даже спички. Да и кто пожелал бы себе такой смерти, в общем-то? Не самый легкий способ уйти. Слишком болезненный. И драматичный.

То ли дело рассыпаться в прах.

Чистое милосердие.

— Ты спас меня от того... во что я... превратился, — со свистом выдохнул вампир. В его глазах читалась благодарность. И облегчение.

* Как мы узнаем из дополнительных глав, меч Кингфишера — женского рода. (Примеч. ред.)

Я наклонился ближе — нужно было убедиться, что он услышит каждое мое слово, пока не станет пылью на пути к окончательной смерти:

— Я делаю это не ради тебя. Я делаю это ради всех, кем ты пировал. Отправляйся в ад, клещ.

Надежда на утешение, которого он ждал от меня, погасла в его глазах.

— Они собираются... *уничтожить* ее, ты ведь знаешь? Это уже... предрешено. Двор... падет... вместе с ней.

Губы вампира изогнулись — в улыбке облегчения или в презрительной усмешке, я не понял.

— Сейрис в безопасности, — отрезал я. — Не допущу, чтобы с ней что-то случилось.

Но он только рассмеялся. Издал пару отрывистых хриплых смешков. Его подбородок превратился в прах. Следом — щеки. Голос надломился, оборвался одновременно с тем, как рассыпалась глотка. К тому моменту, когда клыки вывалились из челюсти и упали изо рта, он уже не смеялся.

Вампир развалился, вампира не стало. Зубы заскакали по полу — *бряк, бряк!* — прочь, к ступенькам лестницы, которая вела глубже в недра Аммонтрайета.

Бряк...

Бряк...

Бряк...

Черный дворец был огромен. С тех пор как здесь оказался, я уже потерял счет убитым мной высокородным вампирам. Поначалу дети Малькольма, привлеченные теплом моей крови, подстерегали меня по одному, по двое в каждом темном коридоре из обсидиана. Однако члены Кровавого двора быстро поняли, что им не выстоять против бога мечей. Или против того, кто им владеет. Сейчас они еще спят, но скоро должны проснуться. А потом пусть лучше попрячутся по углам, ради своего же блага.

— Уф!.. Вот ты где!

Рыжеволосый остановился у нижней ступеньки, тяжело дыша и отдуваясь. Вскинув бровь, он уставился на зубы, доскакавшие к его ногам, но комментировать это не стал и перевел взгляд на меня:

— Тебе надо... пойти со мной. Немедленно.

— Ты не должен был покидать свои покои, Кэррион.

В Черном дворце странная акустика. Воздух кажется густым. Он будто полнится неслышным гулом, и от этого зудит

кожа. Мои слова прозвучали приглушенно, но до ушей контрабандиста они все же долетели. Он сердито запыхтел, затопил вверх по ступенькам, а я уже шагнул прочь, в том направлении, откуда пришел.

— Я был бы... счастлив... сидеть сейчас у себя в покоях... и носа не высовывать, но... сумерки на подходе. Дворец просыпается.

— Точно.

— Да постой же! Слушай, я тут... смотрел в окно... и увидел... кое-что...

— Это называется закат, Свифт. Если хочешь пожить подольше, чтобы увидеть и другие закаты, я в любой момент готов перенести тебя в Калиш. Оттуда ты сможешь любоваться закатами и даже рассветами до посинения. — Надежда всегда при мне. Я постоянно предлагал контрабандисту отправить его подальше от Аммонтрайета — и от Иррина, — но парень был упрям и становился все упрямее.

— Заманчивое предложение, спасибо, только мне и тут неплохо. — Он все-таки одолел подъем и теперь шел за мной, не отставая ни на шаг.

— Позволь спросить еще разок: что именно заставило тебя зависнуть в Аммонтрайете, как вонь над болотом? — поинтересовался я, не снижая скорости. — Кошмарное же место.

— О, да так, — смущенно отозвался Кэррион, — есть у меня свои причины.

Что ж, он может иметь свои причины до тех пор, пока ни одна из них не связана с надеждой, что Сейрис вдруг признается ему в вечной любви. Такому не бывать.

— Фишер! Боги неумирающие! Можешь, блин, помедленнее, а? Дело важное!

Я страдальчески вздохнул и развернулся к нему:

— Дело *действительно* важное или оно тебе *кажется* важным?

Кэррион вечно вопит о важности всяких дурацких мелочей, которые не заслуживают внимания.

Он вскинул брови, сердито уставившись на меня:

— Не знаю. Для тебя важно счастье любимой женщины?

Я бесстрастно смерил его взглядом:

— Говори. Живо.

Он замотал головой:

— Нет, нам нужно... окно.

Если солнечный свет убивает, окно — это верная смерть. Поэтому до окон здесь было не так просто добраться. Мы нашли одно на следующем ярусе, размером фут на фут и с дымчатым стеклом, плохо пропускающим солнечные лучи.

Узкий обзор, который оно давало, мог бы и вовсе помешать мне рассмотреть источник беспокойства Кэрриона, но, к счастью, этого не случилось. Я внимательно прошелся взглядом по доступному отрезку выжженной земли между Аммонтрайетом и рекой, но ничего особенного вроде бы не увидел...

О боги.

— Я поначалу решил, это просто кучка снега, — сказал Кэррион Свифт.

У меня упало сердце.

— А потом заметил, она движется, — продолжил запыхавшийся Кэррион. — Бежит то есть. Быстро.

Я сорвался с места и, обогнув его, бросился вниз по ступенькам. Контрабандист рванул за мной:

— Я сразу помчался тебя искать! Не знал, нужно ли сначала... предупредить ее или нет...

— Заткнись и беги!

— Что... Что ты собираешься делать? — выдохнул он.

— Сам как думаешь?! — прорычал я. — Спасать гребаного лиса!

Я оставил его в Калише.

Не в Иррине.

В Калише. *По ту сторону гор.*

Омнамеррин — один из самых коварных и опасных горных хребтов во всей Ивелии. Его крутые, отвесные склоны непреодолимы для фэйри. Я знаю всего несколько воинов, совершивших восхождение на острые пики и сумевших уцелеть, чтобы об этом рассказать. Оникс родился среди снегов и льдов, но даже он не выжил бы в горах. Там сходят лавины. Они, должно быть, накрывали его одна за другой. Ему пришлось выкапываться из снега. Он не мог найти ни пищи, ни убежища от пронизывающего ветра.

Оникс покинул безопасный Калиш. Ради *нее*.

Одолея горы. Ради *нее*.

Пробрался через Иррин и переплыл реку. Ради *нее*.

И вот теперь за ним гналась по мертвой земле Саназрота орда фидеров. Наверняка он устал и готов был сдаться, но еще бежал. Ради *нее*.

А я не собирался позволить лисенку умереть.

Я промчался по дворцу и дальше, по Зубцам — многоуровневому поселению, которое годами строилось вдоль периметра дворца. Сейчас мощеные улицы были пусты, но это ненадолго.

Билл.

Мне нужно было добраться до Билла.

Лошадей в Аммонтрайте не жалуют. Их невозможно держать в конюшнях. У вампирской знати здесь расквартирован мертвый резерв, а голодные фидеры голыми руками снесут стену, чтобы добыть теплую конину. Билла, Аиду и еще двух гнedyх кобыл разместили в отдельной постройке в пятистах футах от главного двора, за высокой стеной, которая опоясывает самый нижний уровень Зубцов. Я чуть не сорвал металлические двери с петель, спеша к своему коню.

Взнуздать его даже не потрудился. Вскочил на голую спину Билла и направил коня к выходу из стойла. Верного друга не пришлось просить дважды. Когда мы вылетели из открытых дверей, Кэррион еще даже не пересек внутренний дворик.

— Возвращайся во дворец! — рявкнул я.

— *Нem!*

— Боги и гребаные грешники! — Я обругал его на старофейрийском, галопом поравнялся с ним и наклонился, вытянув правую руку. Этот дурень ухватился за нее и одним прыжком оказался на спине Билла позади меня.

— Что, даже не спросишь, как я этому научился? — проорал контрабандист мне в ухо.

— Нет, — отрезал я.

— Лоррет мне показал!

Если он хочет поздравлений, пусть закатает губу. От лиса нас отделяла целая миля глинистого сланца, местами усыпанного пеплом по щиколотку. Обычно лошади осторожно прокладывали себе путь по такой рыхлой, смертельно опасной почве, но сейчас у нас не было времени. Билл, храпя и фыркая, ринулся прямо на приближавшихся фидеров. Даже не дрогнул.

— Вот молодец, — шепнул я ему. — Вперед. Спасибо тебе. *Спасибо*.

Надо было оставить Кэрриона во дворце. За лисом гналось больше фидеров, чем я заметил поначалу. Двадцать? Тридцать? Больше, чем я смогу уложить без помощи магии, которая не работает по эту сторону Дарна, и парень позади меня — контрабандист, а не опытный воин. Солнце между тем уже исчезало за горизонтом. Свет стал достаточно тусклым для фидеров — это означало, что и высокородные вампиры Саназрота скоро проснутся. Если дурня отправить обратно без сопровождения, его вмиг растерзают.

Мы быстро сокращали расстояние до лиса.

Но и фидеры тоже.

Их вечно терзает жажда, а живое существо осмелилось сунуться на саназротские земли, возможно, впервые за последнюю сотню лет. Безмозглая пехота Саназрота не упустит такую удачу ни за что на свете.

Теперь я отчетливо видел Оникса.

Прижав уши с черными кончиками, лис мчался изо всех сил. Отталкивался от камня, взлетал белым промельком в сгущавшейся тьме и снова приземлялся, взбивая лапами пепел и оставляя позади вихрящийся след.

— Давай, — процедил я сквозь зубы. — Давай же. *Беги.*

Теперь до него оставалось меньше мили. Мы были к нему все ближе. Так же как и фидеры. Он устал, я в этом не сомневался. Язык, высунутый из пасти, развевался красным флажком. Видны были белки глаз. Лисенок умирал от страха.

Я не сразу заметил, что Кэррион сзади вцепился в мой наспинник. В отсутствие седла держаться ему было не за что, так что выбора и правда не оставалось. Я все же досадливо выругался, пригнувшись к холке и понукая Билла. Он скакал все быстрее, быстрее. Ни разу не сбился с ритма.

— Мы почти на месте! — заорал Кэррион.

Я скрипнул зубами так, что чуть не треснули челюсти.

— Держись!

Останавливаться будет нельзя. Если остановимся — умрем. Я одной рукой крепко взялся за гриву Билла и взмолился всем ненавистным богам во второй раз за последние несколько дней.

Спасите лиса.

Спасите Билла.

Спасите лиса.

Спасите Билла.

Пожалуйста...

На губах фидеров белела пена. Их неразборчивый гомон становился все громче, пока мы подъезжали ближе, ближе, ближе.

Спасите лиса.

Спасите Билла.

Они почти поравнялись с Ониксом. Отставали на волосок. Самый резвый из них, мужчина в грязной изорванной рубаше, сделал рывок, норовя схватить добычу. Билл в страхе отпрянул, взвился на дыбы, заржал. Копыта заскользили по вулканическому стеклу — он тщетно пытался развернуться, спасаясь от надвигавшейся угрозы. Зазубренные когти фидера мазнули по шерсти лиса — и лис *прыгнул*.

Кэррион его поймал...

...и, в тот же миг свалившись со спины Билла, проехался на заднице.

Боги и долбаные мученики!

— *Вставай, Свифт!* — взревел я.

Рыжеволосый принц, крепко прижимая к себе Оникса, начал подниматься. Он двигался проворно, но недостаточно быстро. Я развернул коня кругом на месте, мордой к фидерам, и соскочил с его спины.

— Спокойно, приятель. Тпру! Жди меня, — шепнул я Биллу, а потом обнажил Нимерель, и резня началась. Бог мечей сочился черным дымом, со свистом рассекая воздух. Когда я взмахнул клинком снова, за ним разлетелись ошметки омертвевшей плоти и костяной крошки, как горсть бумажных обрывков.

— Меч наголо, Свифт! — рявкнул я через плечо.

Кэррион уже был на ногах, с Саймоном, его богом мечей, в руке. Оникс вывернулся из объятий и завертелся на земле, прячась под ногами Билла, что не очень-то помогало коню успокоиться. Но все же Билл стоял на месте, храпя, перебирая копытами и пуча глаза, — он был напуган, но выполнял приказ. Волна фидеров вот-вот должна была накрыть нас.

— Руби головы! — крикнул я. — Не облажайся, Кэррион!

— Ни-ни!

Он занял позицию рядом со мной, в боевой стойке. Я даже успел удивиться. Стойка была правильная. Почти. И когда хищная толпа фидеров обрушилась на нас, он не погиб в тот же миг. *Обалдеть*.

Серебро и фейрийская сталь замелькали в воздухе, рассекая ублюдков. Я принял на себя основной удар. Несколько фидеров, ускользнувших от меня и атаковавших Кэрриона, тоже попадали на землю. Большинство из них сохранили головы на плечах и все еще норовили убить контрабандиста, но он, по крайней мере, свалил их с ног. Позади заполошно взвыл Оникс.

Семь фидеров.

Восемь...

К тем троем, которых опрокинул Кэррион, присоединился четвертый.

Сорок футов отделяли нас от новой волны атакующих. Я сгреб Кэрриона за шиворот и потащил его к Биллу. Пока что нам везло, но везение не будет длиться вечно. Подхватив Оникса, я запрыгнул на спину коня и дернул Свифта за собой.

Аммонтрайет маячил впереди — сжатый кулак с шипами на костяшках пальцев, грозящий небесам из сумеречной мглы. Не дворец — *твердыня*.

Я взялся за гриву Билла, вознес богам последнюю мольбу, и мы вихрем понеслись обратно.

Когда мы добрались до Зубцов, Ад проснулся и клацал клыками. Высокородные и низшие вампиры дружно таранились на нас с обсидиановых стен, которые защищали городок у подножия Аммонтрайета. В глазах чудовищ были осуждение и голод, когда Билл неохотно брел к стойлам. Там нас уже ждал Лоррет — скрестил руки на груди и хмурился.

— Клянусь всеми богами, Фишер, я слышал, как, выходя, ты сказал, что сейчас вернешься. А следующее, что я увидел, — это как ты сломя голову мчишься по мертвой полосе в лобовую атаку на живых мертвецов!

Кэррион со стоном сполз со спины коня.

— А ты? — зашипел на него Лоррет. — Совсем кукуха съехала? — Он смотрел на контрабандиста таким взглядом, будто и правда видел эту съехавшую кукуху.

— Я вообще ни при чем. Всего-то и сделал, что убил четырех фидеров и спас Фишеру жизнь.

Кэррион напустил на себя обычный беззаботный вид, но теперь было ясно, что он по-настоящему напуган. Сдается

мне, то, как мы только что разминулись со смертью, все же произвело на него должное впечатление.

Хотелось его давить.

— Ты их не убил, а разве что покалечил, — буркнул я. — А в тот день, когда ты спасешь мне жизнь на поле битвы, я надену юбку и спляшу гребаную джигу.

Из-за того, что он увязался за мной, мы оба могли погибнуть. Он, мать его, упал с коня. А если бы с ним что-то случилось? Сейрис мне этого не простила бы.

Зато...

Оникс заскулил.

Он дрожал, свернувшись клубком у меня на груди, и в черных блестящих глазах до сих пор таился страх. Шерсть у него была в грязи, а на задней правой лапе она слиплась от крови. Когда я коснулся раны, лис взвизгнул, явно от боли.

На Кэрриона Свифта придется наорать позже.

— Идемте, — сказал я. — Надо вернуться во дворец, пока эти долбокрыки не решили попробовать кого-нибудь из нас на вкус. — Я перевел взгляд на друга. — Ну что, пока не нашел его?

У Лоррета дрогнули ноздри, желваки заиграли на скулах.

— Нет. Я все обшарил вдоль и поперек. Если Фоли здесь, даже не представляю, где он прячется.

Очень жаль. Фоли нам нужен. Я вздохнул, постаравшись скрыть разочарование:

— Ничего, продолжай искать. Что-то мне подсказывает, пока еще рано сдаваться.

— А кто такой Фоли? — спросил Кэррион.

Лоррет открыл было рот, собираясь ответить, но нерешительно взглянул на меня.

Существование Вселенной может закончиться, а вопросы у Кэрриона Свифта не закончатся никогда. Но на его месте я, наверное, тоже проявил бы любопытство, поэтому кивнул Лоррету и отвел взгляд, когда тот начал объяснять:

— Фоли был нашим другом. И остается. Он один из нас. Мы потеряли его на горé Аджун.

Сейрис говорила, что Лоррет сложил балладу об Аджуне, о битве, которая там отгремела, но ртуть забрала эту песню в обмен на разрешение перековать для барда меч Ависиэт. Кэррион об Аджуне уже расспрашивал. Пока мы все ждали, когда Сейрис очнется после Полночного Поцелуя, Лоррет

рассказал контрабандисту много историй о наших подвигах. И о друге, которого у нас забрал дракон, тоже упомянул. Но без подробностей.

— Если вы потеряли его на Аджуне, тогда как же он... — Кэррион замолчал и нахмурился: до него, похоже, дошло. — О, вы его *потеряли*. Но он еще жив. Здесь, да? — Он посмотрел на острые как бритва стены Черного дворца, возносившиеся над нами.

— Да, — сказал Лоррет. Удивительно, как в одном слове можно сконцентрировать такое напряжение. Воин прочистил горло. — Я тут все вверх дном переверну и разберу по камешку, если понадобится, Фишер. Не переживай. Я его найду. Идите уже, возвращайтесь во дворец. Сейрис держалась молодцом, но я видел, что она в панике. Я повожу Билла по кругу, чтобы остыл, и вычищу его. — Говоря это, он погладил коня по лоснившейся от пота шее и хлопнул по спине.

Я спешился, постаравшись, чтобы Оникса не трянуло слишком сильно. Спрыгнул на землю осторожно и мягко, но лис все равно взвизгнул. Под мехом прощупывались косточки. Сердце защемило, когда я увидел, что у него сломаны и крошечные лапы.

— Тебе придется нести Оникса, — сказал я Кэрриону, когда мы двинулись к Зубцам.

— Еще чего! Не буду я его нести. Он меня не любит.

Я живо выхватил из ножен Нимерель, крутанул ее и поднял у Кэрриона перед носом.

— Значит, предпочитаешь нести меч? — поинтересовался я. — Тебе понадобятся два бога мечей, если хочешь прокладывать для нас путь по Зубцам и по коридорам дворца.

Контрабандист побледнел при виде клинка. Еще бы: если прикоснешься к богу мечей, принадлежащему другому воину, в лучшем случае отделаешься страшными ожогами. В худшем — потеряешь руку. Или жизнь.

— Давай сюда лйса, — сказал он, опасливо косясь на Нимерель.

Возвращение в покои Сейрис заняло у нас больше времени, чем хотелось бы. За собой мы оставили длинный след из вампирских зубов — клыки скакали и катились сначала по мощеным улицам, затем по полированным плитам и ступеням, когда мы поднимались с одного яруса дворца на другой. К тому моменту, как двери комнаты Сейрис закрылись за на-